

**Изъ воспоминаній стараго кадета о Государь Императорь
Николаь Павловичь.**

Въ 1844 году въ августь мѣсяцѣ я, пишущій эти строки, 13 лѣтъ поступилъ въ Дворянскій полкъ. Корпусъ нашъ помѣщался на Петербургской сторонѣ въ огромномъ трехъэтажномъ зданіи, выстроенномъ покоемъ изъ красного нештукатуреннаго кирпича, съ большимъ плацомъ для ученій внутри. Какъ новичка, меня опредѣлили въ шестую не-ранжированную роту, которой командовалъ ротный командиръ, фамиліи не упомяну. Это былъ строгій и суроваго вида, по происхожденію шведъ или финнъ. Директоромъ корпуса былъ генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Пуцинъ, человекъ съ большой педагогической опытностью и горячо любившій свое дѣло и ввѣренныхъ ему кадетъ. Поступилъ я въ первый классъ, и такъ какъ я выросъ въ польской семьѣ родныхъ моей матери, хотя нѣмецъ по отцу, въ первый годъ учиться мнѣ было трудно, и я остался на второй годъ въ первомъ классѣ. Въ слѣдующій же годъ я учился очень хорошо и попалъ на красную доску. Записанные на красную доску въ классѣ пользовались тѣмъ преимуществомъ, что во время пріѣзда высочайшихъ особъ въ корпусъ встрѣчали въ дежурной комнатѣ своей роты, подъ такой же красной доской. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Дмитрій Михайловичъ Павловскій, человекъ строгій и въ рапортчикахъ, посылаемыхъ каждый день ротнымъ командирамъ, объ отмѣткахъ, полученныхъ наканунѣ кадетами, прописывалъ наказанія: безъ одного блюда, безъ двухъ и нерѣдко „подсѣчь“; это значить, что ротному командиру нужно было наказывать лѣнивца розгами,—обыкновенно десять и не болѣе двад-

цати ударовъ; тѣмъ не менѣе за справедливое отношеніе къ кадетамъ его любили. Но самымъ строгимъ наказаніемъ считалось снятіе погонь. Помню, что такому наказанію за какую-то шалость былъ подвергнутъ на короткое время и славный покоритель Ташкента Черняевъ, находившійся уже въ старшихъ ротахъ корпуса. Директоръ корпуса всѣми мѣрами заботился о преуспѣяніи его воспитанниковъ, такъ они назывались, а не кадетами, не только въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, но и въ привитіи къ нимъ сознанія о долгѣ, чести и обязанностяхъ предъ царемъ и отечествомъ. Поэтому въ корпусѣ устраивались литературные вечера, балы, на которые приглашались родные воспитанниковъ, и не рѣдко осчастливливали корпусъ особы Высочайшаго двора. Нѣтъ надобности упоминать о томъ, что воспитанники обучались музыкѣ, пѣнію, танцамъ, живописи и проч., для чего директоромъ приглашались лучшіе изъ извѣстныхъ учителей. Вообще же Пущинъ придумывалъ съ своей стороны всякаго рода мѣры для поощренія чѣмъ-нибудь отличившихся, такъ, напр., каждому, обратившему по своимъ успѣхамъ его вниманіе, онъ давалъ небольшой шарикъ, выточенный изъ орѣховаго дерева, съ № на немъ. Получившій такіе три шарика представлялъ ихъ директору и получалъ отъ него подарокъ, хорошую книгу или что-нибудь дорогое. Я получилъ три шарика: одинъ за отвѣтъ по-французскому языку, другой за танцы и третій за фронтное ученіе.

Такъ какъ корпусъ нашъ заключалъ въ себѣ до восьмисотъ воспитанниковъ, составляющихъ семь ротъ и два баталіона, состоящіе изъ одной гренадерской роты, пяти дворянскихъ и 6-й неранжированной, то поэтому назывался не корпусомъ, а Дворянскимъ полкомъ; весной передъ выходомъ въ лагерь неранжированная рота расформировывалась, и воспитанники ея распредѣлялись по строевымъ ротамъ двухъ баталіоновъ. Я на второй годъ пребыванія въ корпусѣ былъ переведенъ во вторую дворянскую роту, гдѣ ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Александръ Максимовичъ Савримовичъ, а фельдфебелемъ Драгомировъ, впоследствии генераль-губернаторъ и командующій войсками одного изъ западныхъ военныхъ округовъ.

И въ этой второй дворянской ротѣ мнѣ тоже пришлось стоять подъ красной доской во время пріѣзда въ корпусъ начальства, а рядомъ со мной, подъ другой красной доской, стоялъ кадетъ старшаго класса Романовъ; и вотъ, что случилось въ томъ же году, когда въ корпусъ пріѣхалъ Государь Николай Павловичъ. Войдя въ нашу роту и увидавъ въ дежурной комнатѣ насъ двухъ подъ красными досками, онъ поздоровался съ нами и, не останавливаясь,

кинулъ Романову вопросъ съ улыбкой: „Ты мнѣ родня?“ и, получивъ, отвѣтъ: „Такъ точно, Ваше Величество“, Государь быстро повернулся къ нему и спросилъ: „Какимъ образомъ?“; Романовъ отвѣтилъ: „Вы отецъ Россіи, а я сынъ ея“.

Государь улыбнулся, поцѣловалъ его и сказалъ: „Вотъ тебѣ поцѣлуй отъ твоего дѣдушки“.

Затѣмъ Государь прошелъ дальше въ залы, гдѣ кадеты нашей роты уже выстроились для встрѣчи его, поздоровался съ ними, а когда остановился въ концѣ залы и заговорилъ о чемъ-то съ директоромъ, то всѣ кадеты сошли со своихъ мѣстъ и окружили его. Одинъ кадетъ, увидавъ конецъ носового платка, высунувшагося изъ задняго кармана сюртука Государя, потянулъ его, и мигомъ этотъ платокъ былъ изрѣзанъ перочиннымъ ножомъ на сотни частей и раздѣленъ между всѣми нами „на память“. Говорили, что Государь уже привыкъ къ этому и не сердился за это.

Такъ какъ Дворянскій полкъ открытъ былъ по желанію и въ честь Наслѣдника престола Великаго Князя Константина Павловича, какъ говорили тогда, въ замѣнъ корпуса волонтеровъ, плохо поставленнаго, въ который поступали даже женатые молодые люди, то Пушину пришлось много поработать, чтобы преданія и духъ корпуса волонтеровъ не перешли въ Дворянскій полкъ. Къ сожалѣнію, Н. Н. Пущинъ въ 1845 году почти потерялъ зрѣніе и вскорѣ умеръ и похороненъ былъ на Волковомъ кладбищѣ среди своихъ воспитанниковъ, по выраженному имъ передъ смертью собственному желанію.

Вообще, въ корпусѣ намъ жилось очень хорошо: кормили насъ превосходно, за обѣдомъ всегда были три блюда, а въ посту, когда наступятъ оттепели, и продавцы, опасаясь за порчу оставшейся непроданной дичи, сбавляли на нее цѣну, за обѣдомъ у насъ появлялись зайцы, гуси, утки и даже индѣйки. По утрамъ вмѣсто чаю давали очень вкусный сбитень и къ нему полъ-французскаго хлѣба и два куска чернаго хлѣба, намазаннаго масломъ, вечеромъ тоже сбитень или молоко съ французскимъ хлѣбомъ. Но зимамъ на плацу устраивались для кадетъ горы для катанья на санкахъ и катки для коньковъ, а сами кадеты устраивали изъ снѣга крѣпости съ амбразурами и рвами вокругъ нихъ и брали ихъ приступомъ, устраивая подобіе войны. Кромѣ коренныхъ воспитанниковъ Дворянскаго полка къ намъ въ корпусъ ежегодно привозили для окончанія курса кадеты изъ другихъ провинціальныхъ корпусовъ: изъ Полтавскаго, Брестъ-Литовскаго, Бахтина-Орловскаго, Тамбовскаго и Полоцкаго. Кадеты эти поступали въ послѣдніе два спеціальные класса, въ которыхъ проходили науки: высшую математику, механику, химію, физику, артиллерію, тактику, фортификацію и статистику.

Кадеты эти вообще были хорошо выдержаны и весьма симпатичны, кромѣ кадетъ Полоцкаго корпуса, которые по своему направленію были просто отвратительны. Всѣ они были „табаколюхи“, и это у нихъ вкоренилось въ такой степени, что считалось какъ бы почетнымъ спортомъ. У всякаго изъ нихъ въ карманѣ или за обшлагомъ былъ запасъ нюхательнаго табаку, и, встрѣчаясь, они привѣтствовали другъ друга слѣдующими словами: „Не знаю вашего ни рода, ни племени, смѣю васъ спросить объ одолженіи почерпнуть изъ глубины вашего сосуда вашего благороднаго зелія; смѣю спросить, какой вы употребляете, березинскій или бобковый, и въ чемъ вы его содержите, въ тавлиночкѣ или въ бумажечкѣ; въ тавлиночкѣ неблагопрістойно, въ бумажечкѣ сохнетъ, но зато крѣпче“. Последнія эти слова произносились нараспѣвъ, затѣмъ происходило взаимное угощеніе. Кадеты этого корпуса отличались отъ другихъ крайней неопрятностью и частыми нарушеніями установленныхъ порядковъ: ходили въ разстегнутыхъ на послѣднія пуговицы курткахъ, съ грязными руками и вообще производили очень непріятное впечатлѣніе. Кромѣ кадетъ изъ разныхъ корпусовъ, на лѣтній лагерный сборъ пріѣзжали къ намъ кадеты изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Это былъ чопорный несимпатичный народъ. По зимамъ въ корпусъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ Великій Князь Михайлъ Павловичъ, бывшій главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и одинъ разъ въ зиму Государь Императоръ Николай Павловичъ. Пріѣзды ихъ были всегда неожиданные и всегда очень желательные, такъ какъ за ними слѣдовалъ отпускъ на нѣсколько дней. Великій Князь Михайлъ Павловичъ ввелъ во всѣхъ корпусахъ прическу чубъ, и всѣ кадеты, и офицеры должны были подчиняться этому, такъ какъ и онъ украшалъ свою голову такимъ же чубомъ. Однажды Михайлъ Павловичъ пріѣхалъ къ намъ девятаго ноября и, войдя въ нашу шестую нераджированную роту, поздоровался: „Здравствуйте, карапузы“, а затѣмъ спросилъ: „Кто у васъ былъ именинникомъ?“. Меня ротный командиръ выдвинулъ впередъ къ нему. Великій Князь поздравилъ меня и, надѣвъ на меня свою трехугольную шляпу, велѣлъ за нимъ носить. Я въ этой шляпѣ ходилъ за нимъ по всѣмъ этажамъ корпуса. Шляпы эти съ чернымъ перомъ надѣвались офицерами вѣдѣ фронта, по установленной въ то время формѣ. Зимой въ хорошую погоду по одной ротѣ изъ каждаго корпуса, вмѣстѣ съ гвардейскими полками, вступающими въ тотъ день въ городской караулъ, должны были присутствовать на разводѣ съ церемоніей, въ Михайловскомъ манежѣ и кадеты. Парадъ этотъ устраивался въ присутствіи Государя Императора и обязательно Великаго Князя Михаила Павловича. Я, какъ хорошій

Фронтоникъ, часто являлся ординарцемъ къ нимъ. На этихъ разводахъ присутствовалъ тоже и начальникъ штаба кадетскихъ корпусовъ генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, впоследствии выдающійся дѣятель по реформѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Послѣ смерти Н. Н. Пущина директоромъ нашего дворянскаго полка назначенъ былъ генералъ-маіоръ Грессеръ, пробылъ онъ директоромъ недолго.

Передъ выступленіемъ войскъ въ лагерь, обыкновенно, въ Петербургѣ на Марсовомъ полѣ, устраивался большой „Майскій парадъ“. Всѣ войска гвардіи вмѣстѣ съ кавалеріей, артиллеріей и саперами и даже армейскіе полки, квартирующие около Петербурга, а также кадеты всѣхъ корпусовъ разставлялись на этой огромной площади въ нѣсколько линій въ баталіонныхъ колоннахъ, съ музыкой и знаменами. На правомъ флангѣ въ первой линіи занималъ мѣсто конвой Государя Императора, состоящій изъ людей, собранныхъ отъ всѣхъ кавказскихъ племенъ: кубанцевъ, черкесовъ, лезгинъ, дагестанцевъ, кабардинцевъ, грузинъ, татаръ и пр. народовъ, всѣ верхами въ своихъ національныхъ костюмахъ и вооруженіи. Рядомъ съ ними въ первой линіи стояли кадеты всѣхъ корпусовъ, а далѣе гвардейскіе полки всѣхъ дивизій кавалеріи, артиллеріи и саперъ въ нѣсколько линій. Одновременно съ пріѣздомъ Государя Николая Павловича пріѣзжала для присутствія на парадѣ и вся Царская Фамилія съ придворными дамами и помѣщалась въ большой роскошно устроенной палаткѣ. Государь Николай Павловичъ подъѣзжалъ къ правому флангу первой линіи, гдѣ его встрѣчалъ командующій парадомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ рапортомъ. Подъѣхавъ къ своему конвою, онъ здоровался: „Саламаликъ, мой конвой“, на что кавказцы отвѣчали: „Аликумъ Сала Николаий Паулейшъ“. По мѣрѣ приближенія Государя къ каждой части, войска отдавали честь, онъ здоровался съ войсками, музыка играла встрѣчу, знамена склонялись къ землѣ, а затѣмъ музыка играла народный гимнъ, а потомъ „Коль славенъ“... Эти разнообразные мотивы, не переставая во все время отъѣзда, наполняли воздухъ величественной симфоніей.

Окончивъ объѣздъ всѣхъ линій, Государь со свитой подъѣзжалъ къ палаткѣ, и войска проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно, затѣмъ второй разъ въ сомкнутыхъ колоннахъ и при прохожденіи удостаивались царскаго спасиба.

Особенно весело проходило лагерное время. Кадетскій лагерь всѣхъ корпусовъ былъ въ Петергофѣ, на огромной площади, особенно для этого отведенной. Въ лагерь кадеты всѣхъ корпусовъ

выступали по окончаніи экзаменовъ въ концѣ мая. При выступленіи около Нарвской заставы провожалъ насъ всегда Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Шли мы въ Петергофъ два дня съ ночлегомъ около Ораніенбаума. Кадеты очень любили этотъ походъ, такъ какъ въ это время они пользовались совершенной свободой. Передъ вступленіемъ въ Петергофъ походная форма замѣнялась парадной, и всѣ кадетскіе корпуса проходили черезъ Александрійскій паркъ мимо дворца церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ и всей Царской Семейей и затѣмъ уже направлялись въ лагерь. Лагерный кадетскій отрядъ состоялъ изъ кадетъ всѣхъ петербургскихъ корпусовъ и составлялъ два отдѣльных полка, по три баталіона въ каждомъ. Первый баталіонъ составляли кадеты Пажескаго корпуса, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и инженерное училище, каждаго изъ этихъ корпусовъ по одной ротѣ. Второй баталіонъ составляли три роты перваго кадетскаго корпуса, а третій баталіонъ—три роты втораго кадетскаго корпуса. Второй полкъ составляли два баталіона кадетъ Дворянскаго полка и третій баталіонъ три роты Павловскаго кадетскаго корпуса. Всѣ кадеты вооружены были небольшими кремневыми ружьями, хотя въ гвардейскихъ полкахъ были уже введены пистонныя гладкоствольныя ружья, заряжающіяся съ дула.

Въ лагеряхъ палатки, отдѣльныя для каждаго взвода кадетъ устраивались очень прочно, и жилось въ нихъ превосходно. Позади палатокъ помѣщались навѣсы-столовыя для обѣдовъ, а дальше кухни, погреба и проч. Между четырьмя и пятью часами почти каждый день раздавался крикъ: „Всѣмъ на переднюю линію“. Это значило, что проѣзжаетъ по лагерю кто-нибудь изъ Царской Семейи. Особенно часто проѣзжалъ Государь Николай Павловичъ со своимъ семействомъ. Онъ самъ правилъ лошадьми, запряженными въ четырехмѣстный шарабанъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла Императрица Александра Ѳеодоровна, на второй скамейкѣ помѣщался Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ Цесаревной Маріей Александровной, а на задней скамейкѣ—Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи въ формѣ перваго кадетскаго корпуса. Государь, проѣзжая по линіи, улыбаясь, здоровался съ кадетами и салютовалъ имъ длиннымъ бичемъ, который держалъ въ правой рукѣ. Проѣхавъ весь лагерь, царское семейство возвращалось въ Александрію. По праздникамъ послѣ обѣда, кадеты всѣхъ корпусовъ партіями по десяти человѣкъ, при одномъ старшемъ, безъ офицера, отправлялись въ Александрію. Часто намъ удавалось застать царскую семью еще за обѣдомъ. Мы подходили смѣло къ открытому окну и любовались на дорогую всѣмъ намъ царскую семью. Насъ

угощали конфектами, и затѣмъ мы гуляли по всему саду безъ всякаго стѣсненія, качались на качеляхъ вмѣстѣ съ Великими Князьями, бѣгали на гигантахъ, лазили по мачтамъ и вообще проводили время очень весело, а въ восемь часовъ возвращались въ лагерь. Государь Николай Павловичъ очень любилъ кадетъ и, когда былъ въ духѣ, то даже позволялъ всякія вольности съ собой. Помню, какъ однажды вечеромъ, послѣ зари съ церемоніей, на которой присутствовалъ Государь, онъ, окруженный кадетами, направился къ своей коляскѣ и, обращаясь къ кадетамъ, скомандовалъ: „Орудіе въ передки“. Кадеты догадались и подхватили Государя, кто за ноги, кто за талию и посадили въ коляску. Но затѣмъ послѣдовала вторая команда: „Второе орудіе въ передки“, но кадеты остановились въ недоумѣніи, т. к. не допускали, чтобы эта вторая команда относилась къ начальнику лагеря ген. Судгову, тутъ же стоящему около коляски, но, увидавъ, что къ экипажу быстро приближается Наслѣдникъ Цесаревичъ, подхватили его и посадили также въ коляску.

Въ жаркіе дни почти каждый день кадетъ водили купаться на возморье въ Финскій заливъ. Нерѣдко случалось застать тамъ купающихся Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, съ ихъ воспитателями, генералами Философовымъ и другимъ, точно не упомяну, кажется, Карцевымъ. Кадеты не входили въ воду, ожидая выхода изъ воды Великихъ Князей. А выкупавшіеся генералы, обтираясь простынями на палубѣ, торопили своихъ воспитанниковъ, чтобы выходили скорѣй и пустили купаться кадетъ. И вотъ, не желая выходить изъ воды, Великіе Князья шалили—хватили со дна грязи и бросали въ своихъ воспитателей, и имъ приходилось опять по лѣстницѣ спускаться въ воду, чтобы окунуться, и такимъ образомъ, время купанія удлинялось. Вообще лагерная жизнь доставляла намъ много развлеченія и удовольствій.

Лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Петербурга знаменитый тогда въ Петербургѣ циркъ Лежара и Гвера и давалъ представленія на открытомъ воздухѣ, за городомъ. На эти представленія приводили по приказанію Государя и кадетъ. Однажды былъ такой случай: когда представленія кончились и вся публика ушла, Государь велѣлъ остаться только кадетамъ, подозвалъ ихъ къ своей палаткѣ, въ которой находилась и вся царская семья, велѣлъ встать всѣмъ въ рядъ и по командѣ его: разъ, два, три, обѣжать всю арену кругомъ и тому, кто опередитъ всѣхъ, обѣщалъ дать подарокъ. Всѣ, конечно, побѣжали, и всѣхъ опередилъ долгоногій кадетъ школы гвардейскихъ подпранорщиковъ и получилъ отъ Государя золотые часы. Затѣмъ началось угощеніе кадетъ конфектами, и тутъ про-

изошелъ со мной оригинальный случай. Такъ какъ полъ палатки возвышался надъ землей аршина на полтора, а перила, ограждающія ее, были еще выше его, то чтобы закрыть внутренность постройки, съ перилъ до земли спущено было красное сукно. Государь велѣлъ двумъ фрейлинамъ подать намъ конфетъ въ огромныхъ вазахъ и пирамидахъ. Фрейлины поставили ихъ на балюстраду перилъ и удерживали, въ рукахъ, а кадеты должны были своими руками брать съ пирамидъ конфеты. Вслѣдствіе желанія захватить какъ можно больше царскихъ конфетъ, произошла давка; я былъ еще въ младшемъ классѣ, маленькаго роста, и меня совершенно прижали къ периламъ. Замѣтивъ, что масса конфетъ падаетъ на землю, я нагнулся, чтобы подобрать ихъ, а мое мѣсто было тотчасъ занято другими, и я очутился подъ поломъ палатки и сталъ набивать свои карманы конфетами; но вдругъ я услышалъ сердитый голосъ Государя, кричавшаго: „Назадъ, невѣжды, олухи! фрейлины не могутъ удержать вазы!“ Я испуганно поднялъ закрывшее меня сукно и увидалъ, что всѣ кадеты уже отступили отъ палатки на нѣсколько шаговъ и стоятъ въ великомъ испугѣ и смущеніи. Положеніе мое было очень критическое, но во что бы ни стало я долженъ былъ присоединиться къ товарищамъ, и вотъ я ползкомъ, почти на карачкахъ, сталъ ползти въ ряды кадетъ. Вѣроятно, это было очень смѣшно, потому что въ палаткѣ раздавался сдержанный хохотъ всѣхъ присутствующихъ.

Одиннадцатаго іюля въ день именинъ Великой Княжны Ольги Николаевны, намъ прислали изъ дворца каждому въ особомъ пакетѣ конфетъ. Вечеромъ, поздно, когда кадеты легли уже спать, дежурные барабанщики ударили тревогу. Кадеты наскоро одѣвались и, захвативъ ружья, выбѣгали на переднюю линію, строились въ баталіонныя колонны и ожидали дальнѣйшихъ командъ. Оказалось, что тревогу сдѣлалъ Государь Николай Павловичъ, пріѣхавъ въ лагерь съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ гостей, иностранныхъ государей или принцевъ.

На первомъ плацу продѣлывалось ученіе и оканчивалось церемоніальнымъ маршемъ.

Однажды, когда я былъ уже въ старшемъ классѣ, и былъ старшимъ въ палаткѣ, и долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы послѣ зари всѣ кадеты лежали уже въ постели и спали, многіе еще разговаривали, а я, по праву старшаго, еще не легъ и стоялъ подъ фонаремъ на серединѣ палатки и читалъ Монтекристо. Но вдругъ я услышалъ у самаго входа въ палатку голосъ Наслѣдника Александра Николаевича, очень хорошо мнѣ знакомый. Чтобы прекратить разговоры, я крикнулъ: „Господа! Наслѣдникъ!“ и бросился къ

своей постели, стоявшей какъ разъ у самаго входа, и спрятался подъ одѣяло. Наслѣдникъ вошелъ въ палатку съ дежурнымъ по лагерю и своимъ адъютантомъ и, проговоривъ веселымъ голосомъ: „Обо мнѣ предупреждаютъ“ выговаривая „р“ гортанно, прошелъ вдоль по всей палаткѣ въ слѣдующую.

Вообще лагерное время оставило по себѣ въ моей памяти много очень пріятныхъ воспоминаній. Въ царскіе торжественные дни у большого Петергофскаго дворца кадетамъ дѣлались парады, для чего изъ каждаго корпуса призывались по одной или по двѣ роты. Помню, что одиннадцатаго іюля въ день именинъ Великой Княжны Ольги Николаевны былъ такой большой парадъ. Я и еще одинъ кадетъ Дворянскаго полка были назначены уборными унтеръ-офицерами къ дворцовой церкви. Парадомъ командовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ ожиданіи выхода Царской Фамиліи въ церковь, я съ товарищемъ заняли мѣста около входа въ церковь и должны были держать ружье у ноги по-ефрейторски, при чемъ большой палецъ правой руки долженъ былъ лежать на штыковой трубкѣ вдоль шомпола. Забывши это правило, я этимъ пальцемъ обхватилъ всю штыковую трубку, и, по разсѣянности, не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ командующій парадомъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ; замѣтивъ мою оплошность, подошелъ ко мнѣ и поправилъ палецъ, поставилъ его на должное мѣсто, но черезъ нѣсколько времени непослушный мой палецъ опять обхватилъ штыковую трубку. Тогда Великій Князь подошелъ ко мнѣ и строго перевелъ палецъ на должное мѣсто. По окончаніи обѣдни кадеты прошли церемониальнымъ маршемъ на площади передъ дворцомъ въ присутствіи Императора Николая Павловича, а затѣмъ отправились въ лагерь.

Въ лагеряхъ каждый день производились ученія, съ шести до семи часовъ ротныя, а потомъ два часа баталіонныя. На баталіонное ученіе пріѣзжали со своими воспитателями Великіе Князья Николай и Михайлъ Николаевичи и становились въ рядахъ первой роты Перваго кадетскаго корпуса. Производились также ученія Артиллерійскаго училища съ полнымъ вооруженіемъ, съ пушками и стрѣльбой холостыми зарядами. А кадетскіе саперы и инженеры занимались наводкой понтоновъ и постройкой укрѣпленій.

Кадетская форменная одежда наша состояла: изъ куртки съ желтыми погонами съ краснымъ воротникомъ, сѣрыхъ панталонъ и фуражки безъ козырька, а парадная изъ мундира съ галунами на воротникѣ, черныхъ панталонъ, каски съ гербомъ двухглаваго орла въ сіяніи и чернымъ султаномъ. Это была и отпускная форма. Во фронтѣ на парадахъ къ этой формѣ надѣвалась еще патронная сумка; она висѣла сзади на двухъ, перекрещивавшихся на груди

ремняхъ въ 2 вершка шириной, толстыхъ, изъ лосиной кожи, выбѣленныхъ бѣлилами и отдѣланныхъ подъ глянецъ. У сумки висѣлъ тоже и тесакъ. Эти ремни были очень тяжелы, давили грудь и совершенно неудобны. Въ походѣ кадеты сверхъ ремней носили за спиной ранцы, но меньше солдатскихъ и легче.

Помню, какъ въ 1849 году, когда наши войска находились въ Венгріи, спасали Австрію отъ разгрома Венгріей, однажды вечеромъ пріѣхала къ намъ въ лагерь Государыня Императрица Александра Θεодоровна. Кадеты тотчасъ окружили ея экипажъ, прибѣжалъ начальникъ кадетскаго лагеря генераль-маіоръ Судговъ. Государыня трясущейся рукой и головой передала ему только-что полученную отъ Государя, изъ Варшавы, телеграмму и велѣла громко прочесть. Въ телеграммѣ значилось: „Ура!“ Мы побѣдили. Дебречинъ взятъ нами и Гергей сдался.

Мы, конечно, закричали „ура!“, и Государыня очень была довольна общимъ нашимъ энтузіазмомъ.

Въ 1849 году было бракосочетаніе Великаго Князя Константина Николаевича. Въ іюнь мѣсяцѣ Его Высочество пріѣхалъ къ намъ въ лагерь вмѣстѣ съ молодой женой Великой Княгиней Александрой Гіосифовной, оба верхами. Я былъ дежурнымъ по ротѣ и встрѣтилъ Ихъ Высочества на средней линейкѣ. Великій Князь узналъ меня и, улыбаясь, спросилъ: „а палець выучились ли держать какъ слѣдуетъ“. Я засмѣялся и отвѣтилъ: „Отлично выучился и никогда не забуду, Ваше Императорское Высочество“. Оба они разсмѣялись и поѣхали дальше.

Въ 1850 году я перешелъ во второй спеціальный классъ и затѣмъ былъ произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры и назначенъ знаменщикомъ.

Въ день крещенія каждый годъ бываетъ на Дворцовой площади большой крещенскій парадъ: гвардейскіе полки устраиваются на площади передъ дворцомъ около Александровской колонны, а кадеты по одному взводу отъ cadaго корпуса со знаменемъ стоятъ съ ружьемъ въ залахъ дворца.

По выходѣ изъ церкви митрополита съ духовенствомъ и за нимъ всей Царской фамиліи, кадеты отдають имъ честь, а знаменщики со знаменами отъ cadaго корпуса пристраиваются сзади и вмѣстѣ съ духовенствомъ и Царской фамиліей направляются на Неву въ устроенный тамъ павильонъ—Іордань.

Въ этомъ павильонѣ совершается водосвятіе въ присутствіи Государя Императора, и провозглашается многолѣтіе Государю и всему Царствующему дому и окропляются святой водой знамена. По окончаніи водосвятія, полковыя знамена возвращаются къ своимъ ча-

стямъ, а знаменщики-кадеты возвращаются въ залы дворца. Государь Императоръ войскамъ, стоящимъ на площади, дѣлаетъ смотръ и пропускаетъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. На крещенскомъ парадѣ 1851 года Государь въ формѣ лейбъ-казачьяго полка, по окончаніи парада войскамъ, сдѣлалъ нарядъ кадетамъ и пропустилъ всѣхъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ тихимъ шагомъ.

Знамена въ нашемъ корпусѣ были даны намъ шефомъ корпуса Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, участвующія съ нимъ въ войнѣ съ Наполеономъ, безъ полотенъ съ однимъ на древкахъ орломъ и кистями и съ слѣдами попадавшихъ въ нихъ пуль.

Мнѣ, какъ знаменщику, марширующему впереди своего взвода при двухъ офицерахъ ассистентахъ, пришлось салютовать знаменемъ Государю Императору и, пройдя уже Государя, поднявъ знамя, кисти знамени вслѣдствіе взмаха ими запутались было въ люстру, но офицеры ассистенты успѣли скоро саблями откинуть ихъ, и такимъ образомъ случай этотъ, могущій задержать около люстры весь взводъ, сзади идущіе разрѣшили благополучно.

Лагерь 1851 года былъ для меня послѣднимъ. Изъ лагеря мы двинулись въ Петербургъ обычнымъ порядкомъ—маневрами. Ночевали на бивуакахъ и къ утру явились въ такъ называемый „Красный кабачекъ“ въ 7-ми верстахъ отъ Петербурга.

Здѣсь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Ростовцевымъ вызвали всѣхъ назначенныхъ къ выпуску кадетъ, поздравили ихъ и раздали каждому приказъ о производствѣ въ офицеры.

Хотя и жаль было разставаться съ корпусомъ, такъ какъ семь лѣтъ, проведенныхъ въ корпусѣ, оставили по себѣ самыя пріятныя воспоминанія, но жизнь манила впередъ, и потому мы радовались. Затѣмъ, по прибытіи въ корпусъ, выпускныхъ кадетъ отдѣлили въ особое помѣщеніе, стали обмундировывать и отправлять въ назначенныя мѣста служенія.

Такъ окончилась оставившая на всю жизнь свои незгладимые слѣды корпусная „эпопея“.

М. М. Ротъ.

